

общества. Процессы, происходящие в отдельных жанрах древнерусской литературы, прекрасно подтверждают эту мысль. Такие явления, как секуляризация литературы, ее жанров, тем, стиля, развитие индивидуального начала в тематике, обрисовке героев, в появлении индивидуального стиля, автобиографизма, профессионального творчества — также свидетельствуют об изменениях в самом обществе, об изменении структурного соотношения общества и литературы. Если эта структура недостаточно определилась, могут иметь место и обратные процессы: например, переводное произведение, имевшее на своей родине чисто литературное значение, приобретает на русской почве в новых условиях значение церковное, историко-информационное, элементарно-познавательное и пр. Такие явления могут быть прослежены при проникновении на Русь «Повести о Дигенисе Акрите», «Александрии» и др.

Изучение различных функций народного искусства закономерно привело П. Г. Богатырева к построению «синхронической фольклористики» — фольклористики, которая изучает структурные взаимоотношения отдельных жанров, видов фольклора, фольклора и обряда, фольклора и быта, общественных функций тех или иных произведений, их «значения» в широком смысле этого слова.

В своей книге и, в частности, в предисловии к ней П. Г. Богатырев пропагандирует синхронное изучение народного искусства — словесного, танцевального, музыкального, изобразительного, театрального. Последнее уже само по себе является синтезом нескольких искусств и поэтому привлекает особенное внимание исследователя.

«Очередной задачей синхронической фольклористики, — пишет П. Г. Богатырев, — является характеристика системы художественных форм, составляющих актуальный репертуар определенного коллектива — деревни, округа, этнической группы. При этом должны учитываться взаимоотношения форм в системе, их иерархия, различие между продуктивными формами и такими, которые утратили свою продуктивность, и т. д. По своему фольклорному репертуару различаются не только этнографические и географические группы, но и группы, характеризующиеся определенным полом (мужской и женский фольклор), возрастом (дети, молодежь, старики), профессией (пастухи, рыбаки, солдаты, разбойники и т. д.)» (стр. 381—382).

Книга П. Г. Богатырева не случайно начинается с обширной работы о народном театре, впервые публикуемой на русском языке. Сам П. Г. Богатырев в предисловии пишет: «Монография „Народный театр чехов и словаков“ представляется мне центральной работой сборника. С ней, в том или ином отношении, перекликаются все остальные статьи и исследования» (стр. 8—9). Прежде всего эта монография связана с другими рабо-

тами сборника общим подходом к народному искусству как к некоторому синхронному единству и, с другой стороны, — как к действию. Функциональный подход подсказывает П. Г. Богатыреву изучение фольклора «в действии», это относится даже к таким явлениям, как костюм. Костюм — это знак, прежде всего знак принадлежности носящего его к определенному полу, возрасту, местности, к социальной группе и т. д. Костюм «означает» и сообщает, несет определенную информацию. Функциональный подход к народному театру позволил П. Г. Богатыреву показать, что функции декораций могут носить в театральном действе не только сами декорации в собственном смысле этого слова, но даже жест актера и слово. Декорации в целом несут функцию определения места и времени действия, а также помогают актерам в игре. Но П. Г. Богатырев останавливается на функциях многих элементов действия, на которые раньше не было обращено внимания в достаточной степени: на освещении сценической площадки и зрителей, на движении, на реализации метафоры в народном театре и т. д. Можно с уверенностью сказать, что народный театр до сих пор не изучался так разносторонне и так глубоко.

Как бы ни был интересен сборник работ П. Г. Богатырева, он все же далеко не полно представляет его теоретические взгляды и открытый им функциональный и синхронистический подход к изучению народного искусства. Крайне необходимо продолжить публикацию работ П. Г. Богатырева, так как и остальные работы, изданные на различных языках в редких изданиях, остаются трудно доступными не только для рядового читателя, но и для специалистов. Между тем мы все еще недостаточно представляем себе взгляды П. Г. Богатырева и не можем полностью оценить тот принципиально новый подход, который внес П. Г. Богатырев в фольклористику.

В заключение я бы хотел сказать несколько слов о П. Г. Богатыреве как о личности. Это был удивительный человек по своей искренности, открытости, простоте, убежденности в доброте и правдивости окружающих его людей. Он всем верил, всем доверял, никогда не оскорблялся за себя, готов был легко извинить других за все то дурное, что ему иногда причиняли. Смеясь и недоумевая, рассказывал он о своих злоключениях, терпеливо и просто переносил свои бытовые бедствия и непосредственно и откровенно радовался успеху той или иной своей работы. Был случай, когда в своей «профессорской рассеянности» он помогал выправить грамматические ошибки в статье, направленной против него самого, и переводил непонятные для своего недоброжелателя места из своих работ на чешском языке. Он ни о ком лично не сказал плохого слова. Он спорил со взглядами, а не с людьми. Он был настолько выше и благороднее многих из своих против-